

Он страдал от защитника противника, мечтал о времени, когда будет процветать благородство в футболе. И как пример истинно спортивного благородства вспоминал два матча с московскими динамовцами в 1967 году. У него была серьезная травма, но он обязан был выйти на поле. Ему делали обезболивающие уколы, динамовцы об этом знали, вывести из игры при этом ничего не стоило. Но, вспоминал Эдуард, — ни Валерий Маслов, ни Виталий Аничкин — персональные опекуны — не позволили себе никакой жесткости в единоборствах. Вот это и было истинное благородство, уважение к противнику.

Есть старые банальные словосочетания в футбольной терминологии — среди них, например, такое: «кинжальный проход». Это в первую очередь относилось к игрокам типа Стрельцова. Такого амплуа, кстати, сегодня уже нет — «центрфорвард таранного типа». Тараны, так сказать, есть, а вот центральных нападающих нет, есть просто нападающие.

Вспоминается один давний матч «Торпедо», сыгранный в гостях с ленинградским «Зенитом» на Кубок СССР. Второй тайм, счет нулевой, «Зенит», как и положено хозяевам, насаждает, Стрельцов отдыхает в центре поля под присмотром опекуна, второй опекун — чуть в стороне. И тут передача в центр, точно ему в ноги. И получается абсолютно непонятное, потому что Эдик, стоя по сути на месте, разворачивается на сто восемьдесят градусов, блокирующий оказывается у него за спиной, да еще спотыкается, и Стрельцов делает рывок к воротам противника, один на один с вратарем. И гол.

Спортивный комментатор, сам в прошлом известный футболист Владимир Набутов, расстроено, но не без восхищения комментирует: — Один — ноль в пользу «Торпедо» или, что такое Эдуард Стрельцов в советском футболе...

А он уже ходил. После 1968-го в сборную его уже не брали. А его клуб, после нервного сезона с невыразительной игрой в 1967 году, в следующем занимает почетное

ворили так: если приезжает играть Стрельцов — сумма удваивается...

Эдик, Эдуард, Эдуард Анатольевич... Эдик — это от народной любви, когда по-свойски называют героя, не будучи с ним знакомым. Это как Гагарин был для всей страны Юрой. Эдуард — это ровное уважительное отношение. Эдуард Анатольевич от ровесников — это завуалированная форма высшего уважения. Кого еще, кроме Федотова и Яшина, называли по имени-отчеству? Но Яшин и по возрасту заслуживал, уникальный случай — ведь было за сорок, когда доигрывал...

А вот как сформулировал свое восхищение игрой Эдуарда Стрельцова в стихотворении «Футбол» поэт Феликс Чуев:

Вам, великие
Нетто,
Яшин,
Бобби Чарльстон,
Круифф,
Пеле,
Все цветы и улыбки наши,
все симпатии на земле!
Эти толпы у стадиона
и стремление достать билет
были мне так сладко знакомы
столько щедрых на славу лет.
О, всешкольное увлечение,
я опять сбегаю на матч,
мне давно грозят исключением,
но сегодня кубок, хоть плачь!
Наша классная дама багрово
столько раз костила меня.
Я уже не застал Боброва,
но ходил «на Стрельцова» я.
И пускай собирались тучи,

Матч, Стрельцов»

Ф ИЛАТОВ точно подметил суть претензий, предъявляемых к Стрельцову: медлителен, малоподвижен. Действительно, «русский танк» с атлетической фигурой мог показаться пассивным. Однажды тренера французской сборной спросили после матча со сборной СССР: «Вам не показался у русских пассивным Стрельцов?» Тот ответил улыбаясь: «Отдайте его нам, если вам так кажется...»

Вот в этом: «Стрелец, бегай!» — вся суть проблемы, разделяющей зрителя и игрока, их психологию. Зритель хочет видеть если не гол, то хотя бы неистовое желание гол забить. Если нет ни того, ни другого, то от зрителя может исходить настроение, близкое к ненависти к своим. Тогда будут и свист, и оскорбления за нежелание или неумение играть. Зритель обижен, оскорблен. А уж проигрыш на своем поле — оскорбление (или унижение) для болельщика двойное.

Вот другой журналист беседует со Стрельцовым, который рассказывает об удовольствии, от недавней игры с командой Англии на «Уэмбли» (матч закончился вничью — 2:2).

«— Такие матчи люблю. Не боюсь потерять мяч, как сейчас говорят, импровизируешь. Тобой руководит не боязнь проиграть, а желание выиграть. И не просто выиграть. Красиво... Я впервые играл на «Уэмбли». Лучше поля, наверное, нет. Позавидуешь участникам чемпионата мира. Можно было хорошую игру показать. (В 1966 году Стрельцова на чемпионат мира не взяли — Н. Г.) Я люблю футбол за то, что он красивый, и за то, что он трудный, мужественный, может быть, даже опасный.

— Красоту все по-разному понимают.

— Я понимаю так. Нас одиннадцать человек. Мы разговариваем на языке паса. Пас нас связывает. Можно красиво обвести, красиво ударить, красиво прыгнуть. Можно даже красиво бегать. Можно и нужно. Но самое главное — пас. Он должен быть красивым, то есть мягким, точным, своевременным. Он должен быть умным, то есть неожиданным, застающим врасплох, хитрым, что ли... Мне и голы больше нравятся не индивидуальные, коллективные».

Ах, эти стрельцовские хитрые пасы! Да, они действительно ставили в тупик защиту противника, часто давали партнерам возможность забивать голы. Но очевидцы помнят, и не надо это скрывать (дабы образ футболиста был еще краше): нередко их — его пасы — не понимали, не ждали и сами партнеры. Стрельцов в расстройстве хватался за голову, мог махнуть рукой и выругаться, а мог и вовсе прийти в неопределимую ярость. Доводилось видеть это и слышать его крик. Кричал как на несмышленных мальчишек, а ведь рядом были тоже известные мастера, и терпели. Играл бок о бок с приличными мастерами в «Торпедо» — Михаилом Гершковичем, Владимиром Щербаковым, Давидом Паисом, Вадимом Никоновым, Александром Леневым. Это бывало тогда, когда разговор на языке паса не получался...

Вот Стрельцов говорит о травмах, психологической изношенности. Сколько моральных сил отнимает игра — перед игрой не спишь, после игры тоже без снотворного не заснешь, особенно после проигрыша. Дальше продолжает журналист: «Большой футбол приносит игрокам не только удовлетворение от хорошей игры, от побед, но и огромную усталость. Она с годами накапливается. В конце сезона все они измотаны, утомлены физически и нервно. Весной большинство выглядит свежо. У Стрельцова же слишком трудная судьба, лицо у него всегда усталое».

Вот это журналист точно заметил. Трудная судьба — это шесть потерянных лет на северном лесоповале, а потом на шахте. А еще — это особый спрос с лидера, от которого все ждут чуда, только великолепной игры. И, наконец, бесконечные травмы, достающиеся, кстати говоря, именно великим нападающим.

третье место, и Стрельцов, забив 21 мяч в первенстве, становится лучшим бомбардиром. В том году ему и вернули звание Заслуженного мастера спорта. Только не вернули, а заново присвоили, поэтому можно считать, что он уникальный спортсмен — дважды Заслуженный... 1969-й, 1970-й для «Торпедо» — сезоны не самые лучшие (5-е и 6-е места), успех всегда связывают с игрой ветеранов, лидеров. Стрельцов весь в травмах, тренеры не на каждый матч его выпускают, и он решает уйти, не доиграв сезон...

Т АКИЕ ОЧЕРКИ про ушедших до срока великих спортсменов всегда исполнены нескрываемой грусти. Потому что их искусство, мастерство, спортивная доблесть — невозвратимы, они остаются в прошлом, и что обидней всего, — остаются лишь в памяти современников, да в немногих эпизодах, снятых на киноплёнку. По сути все великие футболисты даже недавнего прошлого, например, Бобров, Яшин, Нетто, Симонян, Стрельцов, Месхи — остались без кинопамяти, и никто в будущем не узнает, как они играли. Ни хроникальных фильмов, ни — самое печальное — учебных. Кого в этом винить? Несовершенную кино- и телевизионную технику? Так-то оно так, но надо хотя бы сегодня стараться восполнить упущенное. А то ведь и сегодняшних королей завтра забудут.

Мой друг Михаил Митин, сам динамовский болельщик, ховивший, как и многие другие и на торпедовские матчи, «на Стрельцова», расстроенный расставанием с кумиром, который незаметно ушел с футбольного поля, написал уже после его смерти пронзительные по силе стихи.

Сыграй последний матч, Стрельцов!
Сквозь поражения и победы
Мы все доходим до конца,
Ты форму белую «Торпедо»
Надень как мантию жреца!

И пусть тебя уж нет на свете,
Неумолим проклятый рок,
И во дворах не знают дети
Твою обводку и рывок —

Другое помнит поколенье
Со слов их дедов и отцов
Твои футбольные творенья...
Сыграй последний матч, Стрельцов!

Во сне неясном и непрочном,
В мечте, в любви в конце концов,
В мальчишке с улицы Восточной
Сыграй последний матч, Стрельцов!

Других парней на стадионе
Встречает гомон, шум и рев,
Но королем сидит на троне
Посмертно выбранный Стрельцов.

Хорошее, сильное стихотворение, и справедливая главная мысль поэта. У Стрельцова не было всемирной славы, как у Яшина, которого футбольная общественность отмечала прощальным матчем со сборной звезд мира. Стрельцова провожали скромнее: перед матчем с одной из провинциальных команд ему были сказаны в Лужниках самые теплые слова благодарности от коллектива и администрации ЗИЛа, был круг почета на открытом лимузине, были вручены подарки... и все. Учеба, потом тренерская работа. Больше не увидели мы на поле чародея мяча. Впрочем, нет! Он выходил на поле в составе сборной ветеранов. Известно, что такие игры проводились в основном в провинции с местными командами, матчи, что скрывать, коммерческие — приезжим платили деньги, порой за договорной результат (это ведь своеобразное шоу). Показательно, что хозяева, договариваясь с администраторами москвичей, го-

все угрозы я забывал.
Ах, как Эдик играл мочуче,
знаменито как забивал!

Так и помню: — Стрельцова с поля!
Лодырь! Бегай! — гудит народ.
Руки в боки стоит, доволен,
а потом как рванет вперед!

И противник такой прилежный,
коллективный — на одного.
Но держатели неизбежно
рикошетили от него.

Как играл! И тонко, и яро,
и попробуйте помешать:
он летел, как белый котятра
в окружении стаи мышатра.

И держались они свинцово,
и остался б ничейный счет,
«но таранный проход Стрельцова...»
о себе он завтра прочтет.

...Через годы смелой загадкой —
то ли будет, а то ли нет —
вновь на поле он.

Пасик пяткой —
и всплакнул на трибуне сосед.

Как играл! По-новому, вольно,
память лучшая спасена...
В арсенале моем футбольном —
есть у юности арсенал —
будет мужество Э. Стрельцова,
возвращенное побеждать,
доказать, что великий снова
может, должен великим стать!

Несогласные глянут косо:
нетипичный случай привел.
Я припомнил о нем к вопросу,
почему любили футбол.

С МЕРТЬ ровняет возрасты умерших. Ваганьковское кладбище за девятые годы стало последним приютом для многих выдающихся спортсменов, любимцев народа. Стоит назвать хотя бы Николая Петровича Старостина, легендарного старейшину спартаковского спортивного движения, Героя Социалистического Труда, здесь же и Лев Иванович Яшин, величайший вратарь. А вот на аллее рядом — могилы и памятники Эдуарду Стрельцову и динамовскому нападающему Игорю Численко. И в этом тоже есть своя закономерность: амплуа на поле были разные, а так, в жизни — оба баловни судьбы, таланты с изломанными ногами и сломанными судьбами. Численко не дожил до шестидесяти — остановилось сердце, Стрельцов умер от рака легких. На этой аллее еще один выдающийся спортсмен — хоккеист, многократный чемпион мира и олимпийских игр Альметов, игравший в тройке с Локтевым и Александровым. У входа на кладбище — памятник великому тренеру и спортсмену, тоже хоккеисту Аркадию Чернышеву, неподалеку — Анатолию Тарасову.

А совсем недавно здесь поставили памятник еще одному заслуженному зилловцу, игроку, тренеру, многолетнему начальнику команды «Торпедо» — Юрию Золотову. Уходят, уходят ветераны. Как отдать дань легендарным спортсменам? Если говорить о Стрельцове, то в Москве сделано, казалось бы, все положенное в таких случаях для увековечения его памяти. Установлено скульптурное изображение на стадионе в Лужниках. Стадион «Торпедо» на Восточной улице стал носить имя Стрельцова. На кладбище сооружен выразительный монумент.

И все же, как хочется повторять еще и еще раз:
— Сыграй последний матч, Стрельцов!

Николай ГОРБАЧЕВ,
заслуженный работник культуры РСФСР